

Лев Николаевич

Толстой

Три притчи

(1893–1895 гг.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1954

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 31–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 31-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

«ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ»

Скульптура П. Трубецкого

ТРИ ПРИТЧИ

ПЕРВАЯ ПРИТЧА

Выросла сорная трава на хорошем лугу. И, чтобы избавиться от нее, владельцы луга скашивали ее, а сорная трава от этого только умножалась. И вот добрый и мудрый хозяин посетил владельцев луга и в числе других поучений, которые он давал им, сказал и о том, что не надо косить сорную траву, так как она только больше расплодится от этого, а надо вырывать ее с корнем.

Но или потому, что владельцы луга не заметили в числе других предписаний доброго хозяина предписания о том, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, или потому, что не поняли его, или потому, что по своим расчетам не хотели исполнить этого, но вышло так, что предписание о том, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, не исполнялось, как будто его никогда и не было, и люди продолжали косить сорную траву и размножать ее. И хотя в последующие года и бывали люди, которые напоминали владельцам луга предписание доброго и мудрого хозяина, но их не слушали и продолжали поступать попрежнему, так что скашивать сорную траву, как только она

показывалась, сделалось не только обыкновением, но даже священным преданием, и луг всё больше и больше засорялся. И дошло дело до того, что в лугу стали одни сорные травы, и люди плакались на это и придумывали всякие средства для поправления дела, но не употребляли только одного того, которое давно уже было предложено им добрым и мудрым хозяином. И вот случилось в последнее время одному человеку, видевшему то жалкое положение, в котором находился луг, и нашедшему в забытых предписаниях хозяина правило о том, чтобы не косить сорную траву, а вырывать ее с корнем, – случилось этому человеку напомнить владельцам луга о том, что они поступали неразумно и что неразумие это уже давно указано было добрым и мудрым хозяином.

И что же? вместо того чтобы проверить справедливость напоминания этого человека и в случае верности его перестать косить сорную траву или в случае неверности его доказать ему несправедливость его напоминания или признать предписания доброго и мудрого хозяина неосновательными и для себя необязательными, владельцы луга не сделали ни того, ни другого, ни третьего, а обиделись на напоминание того человека и стали бранить его. Они называли его безумным гордецом, вообразившим себе, что он один из всех понял предписание хозяина, другие злостным лжетолкователем и клеветником, третьи, забыв о том, что он говорил не свое, но напоминал только предписания почитаемого всеми мудрого хозяина, называли его зловредным человеком, желающим развести дурную траву и лишить людей их луга. «Он говорит, что не надо косить траву, а если мы не будем уничтожать траву, – говорили они, нарочно умалчивая о том, что человек говорил не о том, что не надо уничтожать сорную траву, а о том, что надо не косить, а вырывать ее, – то сорная трава разрастется и уже совсем погубит наш луг. И зачем нам тогда дан луг, если мы должны воспитывать в нем сорную траву?» И мнение о том, что человек этот или безумец, или лжеистолкователь, или имеет целью вред людям, до такой степени утвердилось, что его все бранили и все смеялись над ним. И сколько ни разъяснял этот человек, что он не только не желает разводить сорную траву, но, напротив, считает, что в уничтожении дурной травы состоит одно из главных занятий земледельца, как и понимал это добрый и мудрый хозяин, слова которого он только напоминает, – сколько он ни говорил этого, его не слушали, потому что окончательно решено было, что человек этот или безумный гордец, превратно толкующий слова мудрого и доброго хозяина, или злодей, призывающий людей не к уничтожению сорных трав, а к защите и возвращению их.

То же самое случилось со мной, когда я указал на предписание евангельского учения о непротивлении злу насилием. Правило это было проповедано Христом и после него во все времена и всеми его истинными учениками. Но потому ли, что они не заметили этого правила, или потому, что они не поняли его, или потому, что исполнение этого правила показалось им слишком трудным, – чем дальше проходило времени, тем более забывалось это правило, тем более и более удалялся склад жизни людей от этого правила, и наконец дошло дело до того, до чего дошло теперь, – до того, что правило это уже стало казаться людям чем-то новым, неслыханным, странным и даже безумным. И со мною случилось то же самое, что случилось с тем человеком, который указал людям на давнишнее предписание доброго и

мудрого хозяина о том, что сорную траву не надо косить, а надо вырывать с корнем.

Как владельцы луга, умышленно умолчав о том, что совет состоял не в том, чтобы не уничтожать дурную траву, а в том, чтобы уничтожать ее разумным образом, сказали: не будем слушать этого человека, – он безумец, он велит не косить дурных трав, а велит разводить их, – так и на мои слова о том, что, для того чтобы по учению Христа уничтожить зло, надо не противиться ему насилием, а с корнем уничтожать его любовью, сказали: не будем слушать его, он безумец: он советует не противиться злу, для того чтобы зло задавило нас.

Я говорил, что по учению Христа зло не может быть искоренено злом, что всякое противление злу насилием только увеличивает зло, что по учению Христа зло искореняется добром: «благословляйте проклинающих вас, молитесь за обижающих вас, творите добро ненавидящим вас, любите врагов ваших, и не будет у вас врага»

[1] . Я говорил, что по учению Христа вся жизнь человека есть борьба со злом, противление злу разумом и любовью, но что из всех средств противления злу Христос исключает одно неразумное средство противления злу насилием, состоящее в том, чтобы бороться со злом злом же.

И эти слова мои были поняты так, что я говорю, будто Христос учил тому, что не надо противиться злу. И все те, чья жизнь построена на насилии и кому поэтому дорого насилие, охотно приняли такое перетолкование моих слов и вместе с ним и слов Христа, и было признано, что учение о непротивлении злу есть учение неверное, нелепое, безбожное и зловерное. И люди спокойно продолжают под видом уничтожения зла производить и увеличивать его.

ВТОРАЯ ПРИТЧА

Торговали люди мукою, маслом, молоком и всякими съестными припасами. И один перед другим, желая получить побольше барышей и поскорее разбогатеть, стали эти люди всё больше и больше подмешивать разных дешевых и вредных примесей в свои товары: в муку сыпали отруби и известку, в масло пускали маргарин, в молоко – воду и мел. И до тех пор, пока товары эти не доходили до потребителей, всё шло хорошо: оптовые торговцы продавали розничным и розничные продавали мелочным.

Много было амбаров, лавок, и торговля, казалось, шла очень успешно. И купцы были довольны. Но городским потребителям, тем, которые не производили сами своего продовольствия и потому должны были покупать

его, было очень неприятно и вредно.

Мука была дурная, дурное было и масло и молоко, но так как на рынках в городах не было других, кроме подмешанных товаров, то городские потребители продолжали брать эти товары и в дурном вкусе их и в своем нездоровье обвиняли себя и дурное приготовление пищи, а купцы продолжали всё в большем и большем количестве подмешивать посторонние дешевые вещества к съестным припасам.

Так продолжалось довольно долго; городские жители все страдали, и никто не решался высказать своего недовольства.

И случилось одной хозяйке, всегда питавшейся и кормившей свою семью домашними припасами, приехать в город. Хозяйка эта всю свою жизнь занималась приготовлением пищи и хотя и не была знаменитой поварихой, но хорошо умела печь хлебы и вкусно варить обеды.

Купила эта хозяйка в городе припасов и стала печь и варить. Хлебы не выпеклись, а развалились. Лепешки на маргариновом масле оказались невкусными. Поставила хозяйка молоко, сливки не настоялись. Хозяйка тотчас же догадалась, что припасы нехороши. Она осмотрела их, и ее догадка подтвердилась: в муке она нашла известку, в масле – маргарин, в молоке – мел. Увидав, что все припасы обманные, хозяйка пошла на базар и стала громко обличать купцов и требовать от них или того, чтобы они держали в своих лавках хорошие, питательные, непорченные товары, или чтобы перестали торговать и закрыли свои лавочки. Но купцы не обратили никакого внимания на хозяйку и сказали ей, что товары у них первый сорт, что весь город уже сколько лет покупает у них и что они даже имеют медали, и показали ей медали на вывесках. Но хозяйка не унялась.

– Мне не медали нужно, – сказала она, – а здоровая пища, такая, чтобы у меня и у детей от нее животы не болели.

– Верно, ты, матушка, и муки и масла настоящего не видала, – сказали ей купцы, указывая на засыпанную в лакированные закрома белую на вид, чистую муку, на желтое подобие масла, лежащее в красивых чашках, и на белую жидкость в блестящих прозрачных сосудах.

– Нельзя мне не знать, – отвечала хозяйка, – потому что я всю жизнь только то и делала, что сама готовила и ела вместе с детьми. Товары ваши порченные. Вот вам доказательство, – говорила она, показывая на испорченный хлеб, маргарин в лепешках и отстой в молоке. – Ваши товары надо все в реку бросить или сжечь и на место их завести хорошие! – И хозяйка не переставая, стоя перед лавками, кричала всё одно подходившим покупателям, и покупатели начинали смущаться.

Тогда, видя, что эта дерзкая хозяйка может повредить их торговле, купцы сказали покупателям: «Вот посмотрите, господа, какая шальная эта баба. Она хочет людей с голоду уморить. Велит все съестные припасы потопить или сжечь. Что же вы будете есть, коли мы ее послушаемся и не будем продавать вам пищи? Не слушайте ее: она – грубая деревенщина и не знает толка в припасах, а нападает на нас только из зависти. Она бедна и хочет, чтобы и все были так же бедны,

как она».

Так говорили купцы собравшейся толпе, нарочно умалчивая о том, что женщина хочет не уничтожать припасы, а дурные заменить хорошими.

И тогда толпа напала на женщину и начала ругать ее. И сколько женщина ни уверяла всех, что она не уничтожить хочет съестные припасы, что она, напротив, всю жизнь только тем и занималась, что кормила и сама кормилась, но что она хочет только того, чтобы те люди, которые берут на себя продовольствие людей, не отравляли их вредными веществами под видом пищи; но сколько она ни говорила и что она ни говорила, ее не слушали, потому что было решено, что она хочет лишить людей необходимой для них пищи.

То же случилось со мной по отношению к науке и искусству нашего времени. Я всю жизнь питался этой пищей и – хорошо ли, дурно – старался и других, кого мог, питать ею. И так как это для меня пища, а не предмет торговли или роскоши, то я несомненно знаю, когда пища есть пища и когда только подобна ей. И вот, когда я попробовал той пищи, которая стала продаваться в наше время на умственном базаре под видом науки и искусства, и попробовал питать ею любимых людей, я увидел, что большая часть этой пищи не настоящая. И когда я сказал, что та наука и то искусство, которыми торгуют на умственном базаре, маргариновые или по крайней мере с большими подмесками чуждых истинной науке и истинному искусству веществ и что знаю я это, потому что купленные мною на умственном базаре продукты оказались неудобосъедаемыми ни для меня, ни для близких мне людей, не только неудобосъедаемыми, но прямо вредными, то на меня стали кричать и ухать и внушать мне, что это происходит оттого, что я не учен и не умею обращаться с такими высокими предметами. Когда же я стал доказывать то, что сами торговцы этим умственным товаром обличают беспрестанно друг друга в обмане; когда я напомнил то, что во все времена под именем науки и искусства предлагалось людям много вредного и плохого и что потому и в наше время предстоит та же опасность, что дело это не шуточное, что отравы духовная во много раз опаснее отравы телесной и что поэтому надо с величайшим вниманием исследовать те духовные продукты, которые предлагаются нам в виде пищи, и старательно откидывать всё поддельное и вредное, – когда я стал говорить это, никто, никто, ни один человек ни в одной статье или книге не возразил мне на эти доводы, а изо всех лавок закричали, как на ту женщину: Он безумец! он хочет уничтожить науку и искусство, то, чем мы живем. Бойтесь его и не слушайте! Пожалуйте к нам, к нам! У нас самый последний заграничный товар.

ТРЕТЬЯ ПРИТЧА

Шли путники. И случилось им сбиться с дороги, так что приходилось идти уже не по ровному месту, а по болоту, кустам, колючкам и валежнику, загораживавшим им путь, и двигаться становилось всё

тяжелее и тяжелее.

Тогда путники разделились на две партии: одна решила не останавливаясь идти всё прямо по тому направлению, по которому она шла сейчас, уверяя себя и других в том, что они не сбились с настоящего направления и все-таки придут к цели путешествия; другая партия решила, что так как направление, по которому они идут теперь, очевидно неверное, – иначе они бы уже пришли к цели путешествия, – то надо искать дорогу, а для того, чтобы отыскать ее, нужно не останавливаясь двигаться как можно быстрее, во всех направлениях. Все путники разделились между этими двумя мнениями: одни решили идти всё прямо, другие решили ходить по всем направлениям, но нашелся один человек, который, не согласившись ни с тем, ни с другим мнением, сказал, что, прежде чем идти по тому направлению, по которому уже шли, или начать двигаться быстро по всем направлениям, надеясь, что мы этим способом найдем настоящее, нужно, прежде всего, остановиться и обдумать свое положение и потом уже, обдумав его, предпринять то или другое. Но путники были так возбуждены движением, были так испуганы своим положением, так хотелось им утешать себя надеждой на то, что они не заблудились, а только на короткое время сбились с дороги и сейчас опять найдут ее, так, главное, им хотелось движением заглушить свой страх, что мнение это встречено было всеобщим негодованием, упреками и насмешками людей как первого, так и второго направления.

– Это совет слабости, трусости, лени, – говорили одни.

– Хорошо средство дойти до цели путешествия, состоящее в том, чтобы сидеть на месте и не двигаться! – говорили другие.

– На то мы люди и на то нам даны силы, чтобы бороться и трудиться, побеждая препятствия, а не малодушно покоряться им, – говорили третьи.

И сколько ни говорил отделившийся от большинства человек о том, что, двигаясь по ложному направлению, не изменяя его, мы наверное не приближаемся, а удаляемся от своей цели, и что точно так же мы не достигнем цели, если будем метаться из стороны в сторону, что единственное средство достигнуть цели состоит в том, чтобы, сообразив по солнцу или по звездам, какое направление приведет нас к нашей цели, и избрав его, идти по нем, но что для того, чтобы это сделать, нужно прежде всего остановиться, остановиться не затем, чтобы стоять, а затем, чтобы найти настоящий путь и потом уже неуклонно идти по нем, и что для того и для другого нужно первое остановиться и опомниться, – сколько он ни говорил этого, его не слушали.

И первая часть путников пошла вперед по направлению, по которому она шла, вторая же часть стала метаться из стороны в сторону, но ни та, ни другая не только не приблизилась к цели, но и не выбралась из кустов и колючек и блуждает до сих пор.

Точь-точь то же самое случилось со мной, когда я попытался высказать сомнение в том, что путь, по которому мы забрели в темный лес

рабочего вопроса и в засасывающее нас болото не могущих иметь конца вооружений народов, есть не вполне тот путь, по которому нам надо идти, что очень может быть, что мы сбились с дороги, и что поэтому не остановиться ли нам на время в том движении, которое очевидно ложно, не сообразить ли прежде всего по тем общим и вечным началам истины, открытой нам, по тому ли направлению мы идем, по которому намеревались идти? Никто не ответил на этот вопрос, ни один не сказал: мы не ошиблись в направлении и не блуждаем, мы в этом уверены потому-то и потому-то. Ни один человек не сказал и того, что, может быть, и точно мы ошиблись, но что у нас есть средство несомненное, не прекращая нашего движения, поправить нашу ошибку. Никто не сказал ни того, ни другого. А все рассердились, обиделись и поспешили заглушить дружным говором мой одиночный голос. «Мы и так ленивы и отстали. А тут проповедь лени, праздности, неделания!» Некоторые прибавили даже: ничегонеделания. «Не слушайте его, – вперед за нами!» – закричали как те, которые считают, что спасение в том, чтобы, не изменяя его, идти по раз избранному направлению, какое бы оно ни было, так и те, которые считают, что спасение в том, чтобы метаться по всем направлениям.

– Что стоять? Что думать? Скорее вперед! Всё само собой сделается!

Люди сбились с пути и страдают от этого. Казалось бы, первое и главное усилие энергии, которое следует сделать, должно бы быть направлено не на усиление того движения, которое завлекло нас в то ложное положение, в котором мы находимся, а на остановку его. Казалось бы, ясно то, что, только остановившись, мы можем хоть сколько-нибудь понять свое положение и найти то направление, в котором мы должны идти, для того чтобы придти к истинному благу не одного человека, не одного разряда людей, а истинному общему благу человечества, к которому стремятся все люди и отдельно каждое сердце человеческое. И что же? Люди придумывают всё возможное, но только не то одно, что может спасти, и если и не спасти их, то хотя облегчить их положение, именно то, чтобы хоть на минуту остановиться и не продолжать усиливать своей ложной деятельностью свои бедствия. Люди чувствуют бедственность своего положения и делают всё возможное для избавления себя от него, но только того одного, что наверное облегчит их положение, они ни за что не хотят сделать, и совет сделать это больше всего раздражает их.

Если бы можно было еще сомневаться в том, что мы заблудились, то это отношение к совету одуматься очевиднее всего доказывает, как безнадежно мы заблудились и как велико наше отчаяние.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

ТРИ ПРИТЧИ

* № 1 (рук. № 7).

ВТОРАЯ ПРИТЧА

Пришли путешественники в один город и остановились у гостеприимного хозяина, который кормил и поил их, не требуя от них никакого вознаграждения. В этом же городе, как узнали путешественники, жил один богатый человек, который раздавал золотые деньги всем тем, кто только просил у него. Но только, как рассказали это путешественникам жители города, он давал золотые настоящего золота вместе с фальшивыми, которые были сделаны так хорошо, что невозможно было отличить настоящий от фальшивого иначе, как бросив его в сильный огонь, в котором фальшивые тотчас же расплавлялись, настоящие же оставались целыми. И кроме того, с людьми, бравшими у него золотые, богатый человек делал такой уговор, что если те, которые брали у него золотые, в продолжение суток не узнавали фальшивых, он тем уже не давал больше ни настоящих, ни фальшивых. Только тем, которые тотчас же уничтожали фальшивые, он давал настоящие.

[2]

И путешественники воспользовались этим и пошли к богатому человеку за золотыми. Богатый человек дал им столько, сколько они хотели. Путешественники забрали столько золотых, сколько могли снести, и с золотом вернулись к гостеприимному хозяину. Положив перед собой большую кучу всех одинаково блестящих золотых, путешественники решили разделить их поровну. Но один из них не согласился на это и сказал, что так как он слышал от людей, что среди раздаваемых богатым человеком золотых бывает всегда большая часть фальшивых, он же намерен продолжать путь; в пути же ему необходимо иметь настоящую монету, то он и предлагает, прежде чем делить деньги, исследовать золотые, бросив их в огонь, и, найдя настоящие, если такие будут, уже тогда разделить их, остальные же бросить.

Предложение это не понравилось всем остальным. – Только сумасшедший человек может предлагать такие нелепости, как то, чтобы без всякой причины портить такие прекрасные монеты, – сказали они. – Если монеты эти сделаны и так искусно, то, очевидно, на что-нибудь они нужны. – Но ведь вы слышали, что всегда большая часть монет были фальшивые, – говорил несоглашавшийся. – Если прежде и были фальшивые, – отвечали ему на это остальные, – то это происходило оттого, что прежние люди не умели отличить фальшивые от настоящих, мы же умеем отличать и

несомненно знаем, что все эти наши золотые настоящие.

На это собиравшийся уходить сказал, что если монеты настоящие, то они не испортятся, если их бросить в горнило, и потому нечего бояться того, чтобы подвергнуть их испытанию. Те же, которые хотели удержать монеты, отвечали на это тем, что если прежде были фальшивые золотые между настоящими, то это не мешало людям брать их и опытом жизни находить между фальшивыми настоящие. На это несогласившийся сказал, что он только и предлагает то, чтобы отделить фальшивые от настоящих.

На это ему отвечали тем, что неужели он думает, что все глупы и что он один умнее всех.

Тогда желавший путешествовать сказал, что они ошибаются, а он прав не потому, что он умнее всех, а потому, что они, не собираясь путешествовать, живут у гостеприимного хозяина, который кормит и содержит их даром, и им не нужно употреблять золотых, а он, несоглашающийся, идет путешествовать, и ему нельзя идти с фальшивыми деньгами.

На эти слова его противники его очень рассердились и решили, что возражатель безумный и что разговаривать с ним больше не нужно и, что бы он ни говорил, не надо слушать его.

Как ни оправдывался возражатель и как ни просил исследовать доброту золотых, его не послушали. И, отдав ему его часть, прогнали его от себя. Получив свою часть, человек этот тотчас же бросил свои золотые в огонь, и они все оказались фальшивыми и тотчас же расплавились. И не успел он этого сделать, как к нему явился посланный от богатого человека и принес ему ровно столько настоящих золотых монет, сколько ему было нужно для всего его путешествия, и сказал ему, что богатый человек дает только тем, которые <не жадны и>, не жалея потерять видимость, испытывают настоящую доброту вещей. И человек этот благополучно продолжал свой путь.

Оставшиеся же у гостеприимного хозяина разделили между собой свои золотые и стали любоваться ими, и чистить, и перекладывать их.

Но когда через несколько дней гостеприимный хозяин сказал им, что он не может держать их больше, они забрали свои золотые и пошли в путь. Но когда на привале они захотели разменять один золотой, их деньги не взяли, ничего им не дали, еще повели к судье за распространение фальшивых денег.

То же случилось со мной по отношению людей науки.

Мы все учились наукам, всем нам даром дали различные знания, которые мы приобретали в то время, как другие люди работали на нас. Пришло время, когда я захотел пуститься в путь, т. е. не толочься на одном месте, а начать дело жизни, и для этого я требовал исследования доброты тех знаний, которые даром были даны нам. Когда я сказал про это моим товарищам, указывая им на то, что всегда во все времена большая доля того, что считалось наукой, оказывалось ненужными

сведениями для работы жизни и даже фальшивым знанием, и что потому надо исследовать вопрос о том, точно ли то, что мы называем знанием, есть знание, то (удивительное дело), несмотря на то, что никто не оспаривал того, что это всегда так было, все утверждали, что нынешние знания – все настоящие знания. Когда же я приводил доказательства того, что из всех тех знаний, которые в прошедшие времена считались наукой, едва ли осталась одна сотая, часть, мне отвечали, что ложные знания прошедшего, как алхимия, астрология, содействовали приобретению настоящих знаний. И когда на это я отвечал, что в этом и дело наше, чтобы в тех знаниях, которые мы считали знаниями, отбирать настоящие, на меня сердились и обвиняли меня в безумной гордости. – Почему бы случилось так, – говорили мне, – чтобы Дарвины, Гелмгольцы, <Тиндали,> Шарко и тысячи и тысячи ученых людей ошибались, признавая истинность нашей науки, и не ошибался бы относительно науки человек, не имеющий никакого научного авторитета?

Когда же на этот довод я говорил, что это происходит именно оттого, что большинство научных людей отстаивают науку, какая она есть, потому что так же выгодно в наше время быть жрецом науки, как в древние времена было выгодно быть жрецом религии. Тогда все с злобою набросились на меня и решили, что слушать меня не нужно, потому что я враг науки и движения вперед человечества.

Так и кончилось мое столкновение с людьми науки. Люди науки продолжают набирать всё больше и больше фальшивых золотых, перебирать и чистить их. Я же тогда же получил взамен подвергнутых испытанию и не выдержавших его ложных знаний то истинное и нужное мне знание, которое прежде скрывалось от меня ложными.

Комментарии В. С. Мишина

«ТРИ ПРИТЧИ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В Записной книжке Толстого среди записей за ноябрь – декабрь. 1893 г. отмечен художественный замысел: «Басня о человеке, потерявшем дорогу и потому бегущем изо всех сил, куда попало» (т. 52, стр. 251). На этот сюжет Толстой тогда же набросал притчу под заглавием «Неделание», которую в подзаголовке назвал «басней». Эта «басня» и

послужила основой для третьей притчи печатного текста (с началом: «Шли путники»).. Вероятно, вскоре, получив копию с первого наброска притчи и исправив ее, Толстой написал вторую притчу («о настоящих и фальшивых монетах»), к которой присоединил первую, дав им заглавие: «Две притчи».

22 декабря 1893 г. Толстой, отмечая в Дневнике события с 3 ноября, записал: «За это время многое было.... Написал еще притчи – не кончил» (т. 52, стр. 105).

На этом (см. рук. №№ 1–3) в то время работа над притчами прервалась почти на год.

12 октября 1894 г. к Толстому обратился с письмом от лица Общества любителей российской словесности при Московском университете председатель общества Н. И. Стороженко, прося Толстого дать что-нибудь из его ненапечатанных художественных произведений в составяемый членами общества на 1895 г. сборник «Почин», инициатором и редактором которого был Стороженко. Толстой первоначально предполагал дать, в сборник «Две различные версии улья с лубочной крышкой». Начало этого рассказа было написано Толстым в конце 1880-х или в начале 1890-х годов. 20 октября Толстой сообщил Стороженко: «Вчера нашел отрывок, который, может быть, вам пригодится», а 21 октября написал В. Г. Черткову, прося его переписать и прислать ему список этого рассказа, объяснив ему, что он хочет передать его для печати в сборник Н. И. Стороженко.

Однако Толстой, повидимому, вскоре изменил намерение. Вместо «Двух различных версий улья» он решил отдать в сборник написанные им в ноябре 1893 г. «Две притчи» и принялся за их окончание. Работа, судя по рукописям, протекала, главным образом, над притчей «о настоящих и фальшивых монетах» (см. рук. №№ 4–7). В наборной рукописи, посланной в редакцию сборника, Толстой пометил ее вторым номером.

В конце декабря 1894 г. Толстой, вероятно, получил корректуры (см. рук. № 8). Однако исправлял Толстой только первую притчу. Вторая притча («о настоящих и фальшивых монетах»), видимо, не удовлетворила Толстого, и он вместо нее написал две новых притчи: «о сорной траве», и «о хозяйке, обличавшей купцов», и пометил их последовательно первой и второй притчей; третьей притчей он пометил бывшую в корректуре первую притчу – о путешественниках («Шли путники»).

В таком виде «Три притчи» и были отправлены в типографию для нового набора.

В Дневнике 15 февраля 1895 г. Толстой записал: «Я написал и отдал три притчи» (т. 53, стр. 7); об этом же он сообщил В. Г. Черткову в письме от 17 февраля: «Написал три притчи и отдал их в сборник, который тут издается при Обществе любителей Русской словесности. Тоже мало истинного сердечного, божеского в этой работе. Но есть и хорошее...» (т. 87, стр. 317). И 21 февраля вновь записал в Дневнике: «Эти пять дней поправлял притчи» (т. 53, стр. 8).

В дальнейшем о работе над притчами нет никаких упоминаний; между тем по сохранившимся корректурам видно, что работа продолжалась (см. описание рук. № 13–15).

Впервые «Три притчи» опубликованы в книге: «Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год», М. 1895, стр. 328–336.

В настоящем издании «Три притчи» печатаются по тексту первой публикации.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 5 лл. 4°. Заглавие: «Неделание (Басня)». Начало: «Среди неприятельской страны». Конец: «куда стремятся наши сердца». Первый набросок третьей притчи (см. печатный текст). На оборотах лл. 1 и 4 – текст из статей Толстого: «Религия и нравственность» и «Христианство и патриотизм».

2. Копия рук. № 1 рукой М. Л. Толстой с исправлениями Толстого. 13 лл. 4°. Заглавие «Неделание» зачеркнуто и надписано: «Две притчи»; затем зачеркнуто и это и помечено: «Первая притча». (Помета эта сделана позднее – при отсылке рукописи в типографию, так как она послужила первой частью наборной рукописи.) Пагинация рукой Толстого цифрами 1–13. Начало: «Эта одна притча». Конец: «К к[оторому] стремится сердце человеческое».

3. Автограф. 2 лл. 4°. Заглавие: «Две притчи». Начало: «Был один благотворитель». Конец: «расплатиться за это». Первый набросок притчи «о фальшивых монетах». Притча эта была исключена в корректурах. На обороте л. 1 – отрывок из черновиков статьи Толстого «Христианство и патриотизм».

4. Копия рук. № 3 рукой М. Л. Толстой. Первоначально содержала 6 лл. 4°. Заглавие то же, что и в рук. № 3. Исправления Толстого многочисленны. Сделаны вставки на полях; вставкой же занят оборот л. 1.

После исправления 1 л. и 2 отрезка были переложены в следующую рукопись; осталось 3 лл. 4° и 2 отрезка. Начало: «Был один благотворитель». Конец: «расплатиться за это».

5. Копия рук. 4 рукой М. Л. Толстой с исправлениями Толстого. Первоначально содержала 7 лл. 4°. Заглавие (скопированное) при исправлении рукописи зачеркнуто; нового не дано.

После исправления часть листов и отрезков переложена в следующую рукопись; осталось 3 лл. 4° и 2 отрезка. Начало: «Пришли путешественники». Конец: «Мы все учились наукам, все мы».

6. Копия рук. № 5 рукой М. Л. Толстой с исправлениями Толстого. Первоначально содержала 6 лл. 4°. После исправления 5 лл. были переложены в следующую рукопись; остался 1 л. 4°. Начало: «Тогда желавшие удержать золото». Конец: «Не надо слушать его».

7. Копия рукой М. Л. Толстой, составленная из листов, переложенных из предыдущих рукописей; один лист скопирован заново. 10 лл. 4°. Заглавие: «Вторая притча». Пагинация рукой Толстого цифрами 14–23. Начало: «Пришли путешественники». Конец: «для движения жизни». Вторая часть наборной рукописи (первая часть – рук. № 2).

Печатается в вариантах, так как в корректурах притча эта была исключена (исправлений в корректуре нет).

8. Корректуры с большой авторской правкой. 6 гранок. Набор с рук. №№ 2 и 7. Вверху первой гранки рукою Н. И. Стороженко надписано: «Считаю нужным предупредить, что корректура не читана, так как корректор не в состоянии разобраться в рукописи». Толстым исправлялись только гранки с первой притчей (о путешественниках); гранки со второй притчей (о фальшивых монетах) не имеют исправлений Толстого. «Первую притчу», исправляя, Толстой помечает «Третьей притчей». Начало: «Шли путники». Конец: «скрывалось от меня ложными».

9. Автограф. 2 лл. 4° и 2 отрезка. Заглавие: «Три притчи. Первая притча». Начало: «Выросла сорная трава». Конец: «и не будет у вас врага». Первая редакция первой притчи (по окончательному тексту).

10. Автограф. 3 лл. 4°. Заглавие: «Вторая притча». Начало: «Торговали люди мукою». Конец: «становится всё хуже и хуже». Первая редакция второй притчи (по окончательному тексту).

11. Копия первой притчи рукой М. Л. Толстой с рукописи неизвестной (которая в свою очередь была, очевидно, скопирована с рук. № 9). 8 лл. 4°. Имеются исправления автора. Заглавие то же, что и в рук. № 9. Начало: «Выросла сорная трава». Конец: «Любить ненавидящих нас». Наборная рукопись.

12. Копия рук. № 10 рукой Т. Л. Толстой с исправлениями автора. 10 лл. 4°. Заглавие то же, что и в рук. № 10. Начало: «Торговали люди мукою». Конец: «последний заграничный товар». Наборная рукопись.

13. Корректуры с авторской правкой. 3 гранки. Содержат набор двух первых притч (по рук. №№ 11 и 12). Заглавие: «Три притчи». Начало: «Выросла сорная трава». Конец: «последний заграничный товар».

14. Корректуры с большой авторской правкой. 4 отрезка гранок. Содержат часть третьей притчи. Начало: «Шли путники». Конец: «его не слушали».

15. Копия рукой М. Л. Толстой с исправленных корректур третьей притчи (рук. № 14) и частью наклеенные на листы в 4° отрезки гранок из рук. № 14. Исправлений Толстого нет. Начало: «Шли путники».

Конец: «больше всего раздражает их».

Эта рукопись была послана взамен изрезанных при исправлении гранок (часть которых здесь наклеена) в типографию. С нее был сделан новый набор. Судя по окончательному тексту, Толстым еще раз правились корректуры; между тем они не сохранились.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят художественные произведения и статьи Л. Н. Толстого второй половины девяностых годов.

Крупнейшее произведение этого периода – роман «Воскресение» – и относящиеся к нему варианты напечатаны в 32 и 33 томах.

Трактат «Что такое искусство?» (1897–1898 гг.) вместе с другими статьями об искусстве входит в 30 том.

Из произведений, включенных в 31 том, только некоторые были напечатаны при жизни Толстого, и те, в большинстве случаев, с цензурными изъятиями. Другие были опубликованы в издательстве «Свободное слово» за границей (например, «Две войны») или после смерти Толстого – в томах посмертных художественных произведений и в отдельных изданиях; впервые полностью печатается в настоящем томе статья «К итальянцам».

Эти произведения Толстой создавал в конце века, в период промышленного подъема и роста революционного движения в стране. Рабочий класс, эксплуатируемый фабрикантами и заводчиками, уже открыто заявлял о своих правах, о своей революционной решимости. Стихийный протест против угнетения и несправедливости назревал и в среде трудового крестьянства, страдавшего от безземелья и разорения. Царское правительство отвечало на растущие волнения народных «низов» репрессиями и террором.

Произведения, Дневники и письма Толстого этих лет показывают, как живо он откликался на общественные и политические события, как остро реагировал на факты религиозного и политического насилия, как неутомимо и вдумчиво размышлял над теми проблемами, которые стояли перед страной.

Во второй половине девяностых годов, по мере обострения противоречий социальной действительности, обострились и противоречия, характерные для мировоззрения и творчества Толстого. Писатель ясно видел, в каком бедственном и тяжелом положении находятся народные массы, сочувствовал их борьбе против царизма, гнета помещиков и капиталистов, отчетливо понимал, что Россия находится на пути к революции. Защищая интересы этих масс, он обрушивался с беспощадной критикой на самодержавие, на полицейско-бюрократический аппарат, на

все то, что давило и угнетало трудовой народ. Но, выражая настроения «всей той многомиллионной массы русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»,

[3] Толстой верил в возможность мирного разрешения всех общественных противоречий, предотвращения революционной бури.

Революционный способ уничтожения ненавистного ему социального строя он стремился заменить глубоко реакционной, ошибочной теорией непротivления злу насилием, личного совершенствования, любви и христианского братства.

Великий писатель выступает в эти годы и в роли гневного обличителя социальной несправедливости и в роли проповедника «новой религии», христианского смирения и кротости.

I

Одной из тем художественного творчества писателя в девяностые годы является тема нравственного «воскресения» – пробуждения в человеке нового взгляда на жизнь, критического отношения к окружающему его социальному злу. Воскресение толстовского героя, как правило принадлежащего к привилегированным кругам, сопровождается острым кризисом его мировоззрения, потребностью в изменении всего образа жизни, поисками новых путей.

Повесть «Отец Сергей» принадлежит к тем творениям Л. Толстого, в которых рассказывается мучительная история прозрения и «воскресения» героя и изображаются различные стадии его духовных исканий.

По своему сюжету повесть отдаленно напоминает рассказы из «житий святых». В ней также описывается жизнь человека, уединившегося от общества и борющегося с искушениями и соблазнами. Но действие повести перенесено в реальную обстановку конца XIX века, а по своему содержанию она направлена не на прославление затворничества и церковной святости, а на его разоблачение. Толстой, автор «Отца Сергия», обличает официальную религию, отрицает монастырское отрешение от мира, показывает, что оно не в состоянии принести ни удовлетворения тем, кто ищет нравственного идеала, ни помощи тем нищим и страждущим, которые нуждаются в реальных, земных благах.

Герой повести князь Степан Касатский уходит в монастырь, разочарованный в аристократическом обществе, которое, после

пережитой им личной драмы, предстало перед ним в подлинном своем неприглядном виде.

Аристократ Степан Касатский отрекается от всех мирских интересов, уединяется в келье, глубоко убежденный, что, став отцом Сергием, он найдет новую, справедливую жизнь. «Поступая в монахи, он показывал, что презирает всё то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на новую такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал».

[4] Но всем ходом повествования писатель разбивает иллюзии своего героя. Сталкивая его с реальной действительностью, ставя его в типические условия церковного быта, Толстой показывает, что высота эта мнимая. В монастыре Касатский находит ту же суету сует, ложь, фальшь и корысть, от которых он с отвращением бежал. Показная парадность, лицемерие, чисто внешняя обрядность, эгоизм, тщеславие, неискренность пронизывают весь монастырский быт. Писатель критически рисует монашескую среду, типы монахов: глава монастыря, игумен – «светский, ловкий человек, делавший духовную карьеру»; ризничий – льстив, угодлив; монахи преследуют только корыстные цели и повинуются, главным образом, «монашескому честолюбию». Атмосфера чинопочитания и рабского холопства перед сильными мира сего и явного пренебрежения к простому люду, пришедшему на богомолье, ничем, по сути, не отличается от тех отношений социального неравенства, которые составляют основу светского общества.

Драма героя повести в том, что, проведя многие годы в монастыре, в скитском уединении, он вдруг увидел – что его трудный и мучительный подвиг нужен только князьям церкви как «средство привлечения посетителей и жертвователей к монастырю», что его святость ни в какой степени не способствует улучшению жизни людей, а ему самому она не дает внутреннего удовлетворения и покоя. Самый принцип отрешения человека от внешнего мира, отлучения от земных радостей оказывается порочным и гибельным. Борьба отца Сергия с чувственными соблазнами так трудна и мучительна, требует такого огромного внимания к своей собственной личности, что в конце концов она становится препятствием к осуществлению долга перед людьми, мешает простому и непосредственному общению с ними.

Рисую духовную драму отца Сергия, человека большой воли, незаурядного ума, страстного правдоискателя, гуманист Толстой разоблачает церковные учреждения с их искусственной формой общежития, тираническим насилием над живой человеческой личностью. Но, ниспровергая официальную религию, клерикализм, Толстой не приходит к отрицанию религии вообще. Он пытается утвердить как истинную религию – всепрощение, самопожертвование, непротивление злу насилием. Традиционным церковным формам писатель противопоставляет смиренный подвиг любовного служения людям в обыденной житейской обстановке. Уже в самом раннем упоминании о возникновении у писателя

замысла «Отца Сергия» намечено это противопоставление. 3 февраля 1890 года он записывает в Дневнике, что рассказывал «историю жития и музыкальной учительницы» и тут же добавляет: «хорошо бы написать».

[5] Несколько позднее он вносит в перечень задуманных сюжетов: «Рука сжигается пустынным и учительница музыки». [6]

В лице Пашеньки, простой учительницы музыки, которая «не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми», отец Сергий находит свой положительный идеал, ответ на мучившие его долгие годы нравственные и религиозные вопросы. Глядя на постаревшую, задавленную бедностью, но добрую и незлобивую женщину, он приходит к убеждению, что «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом бога, она живет для бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже благодетельствованных мною для людей».

[7]

Под влиянием этой встречи прославившийся своей святостью отец Сергий превращается в бездомного странника, смиренного проповедника любви и добрых дел. Здесь находит свое отражение одна из наиболее реакционных и вредных тенденций Толстого – возвеличение юродства, реакционная проповедь кротости и смирения перед тем «злом», против которого страстно восставал сам Толстой.

Толстой создал яркий и сильный образ человека, готового на борьбу и страдания во имя истины, ради всеобщего блага, но принявшего, вопреки своей мятежной натуре, толстовскую философию юродства и смирения. Горький, слышавший эту повесть в пересказе самого писателя, восторженно отзывался о ней, но при этом отметил двойственность и противоречивость авторского замысла. «Я слушал рассказ ошеломленный и красотой изложения, и простотой, и идеей, – писал Горький. – И смотрел на старика, как на водопад, как на стихийную творческую силу. Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь – подобный ему невозможен. Но и жесток он! В одном месте рассказа, где он с холодной яростью бога повалил в грязь своего Сергия, – я чуть не заревел от жалости».

[8]

Горький был потрясен величием толстовского гения, его мастерством в изображении человеческого характера, но в то же время он не смог не почувствовать двойственности Толстого и известную его непоследовательность. Любя своего героя, сочувствуя его исканиям и стремлениям, Толстой, художник сложный и противоречивый, не мог привести его к такой истине, которая избавила бы его от ложных блужданий и падений, возвеличила его, укрепила бы его в борьбе за высокие идеалы.

Отвлеченно–моралистическая, религиозная философия Толстого, проявившаяся и в самой повести и в трактовке главного персонажа, его ложная концепция решения социальных и этических проблем ослабили реализм Толстого и образ отца Сергия.

Смысл повести «Отец Сергий» не только в личной драме князя Касатского. Драма Касатского, в изображении Толстого, порождена уродливым социальным строем, ложью собственнических отношений. За ложью, фальшью и грязью «святой» монастырской жизни стоит ложь, фальшь, грязь и несправедливость общественного строя, разделенного на паразитические господствующие классы и угнетаемые трудовые «низы». И Толстой в этой своей повести выступает обличителем, гневно и остро протестующим против такой общественной системы, которая препятствует гармоническому существованию человеческой индивидуальности.

II

Несравненно острее «Отца Сергия» по социальной направленности драма «И свет во тьме светит», представляющая большой автобиографический интерес. В ней с исключительной полнотой отразились переживания самого Толстого, его сложные семейные отношения, его личные искания и убеждения.

В драме критически обрисованы быт и психология представителей господствующего класса с их паразитическим и праздным образом жизни, с полным равнодушием к вопиющим фактам социального неравенства, убежденностью в разумности и справедливости общественного уклада, который предоставил только им право пользоваться всеми житейскими благами. Толстой создает ряд образов типичных представителей помещичье–дворянской среды: Марья Ивановна – жена Сарынцева, ограниченная женщина, целиком поглощенная интересами семьи, воспринимающая сложившиеся жизненные условия как абсолютно нормальные; без собственности и богатства она не мыслит себе счастья и благополучия своей семьи, своих детей. С ней полностью солидаризируются сестра Александра Ивановна и ее муж.

Поглощенные корыстными заботами о собственном благе, они не задумываются над судьбами нищего и замученного непосильным трудом простого народа. Толстой в своей драме обличает праздную, порочную, пустую жизнь господ, жестокость и ничтожество блюстителей общественного порядка. Им он противопоставляет полную труда, страданий и лишений жизнь крестьян, вынужденных вести тяжелую борьбу за свое существование.

Реалистически–правдиво воспроизведенный писателем быт дворянско–помещичьей семьи делает душевную драму главного героя пьесы Николая Сарынцева, переживающего острый конфликт со своей средой, закономерной и оправданной.

Заглавие драмы «И свет во тьме светит» восходит к евангельскому тексту: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

[9] Дневниковые записи Толстого раскрывают смысл, который он вкладывал в эти слова.

«Средство служить людям одно: быть лучше, – отмечает Толстой в одной из записей. – Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца вашего небесного» (15 февраля 1889 г.).

[10] «Не стараться делать добро надо, а стараться быть добрым; не стараться светить надо, а стараться быть чистым» (13 марта 1890 г.).

[11]

Таким образом, в своей пьесе Толстой стремился утвердить силу духовного сознания, противостоящего воздействию окружающей среды, силу примера совершенствующейся личности, стойко и твердо отказывающейся от участия в зле. Однако развитие действия драмы показывает обратное, и в этом ее глубокое общественное значение. Бессильным оказывается Сарынцев в борьбе за новые формы жизни в кругу своих домашних. Бессильным оказывается и его последователь Борис в своем столкновении с властями при отказе от воинской повинности. Его готовность на мученичество в сущности бесплодна, как это и было в действительности с наиболее мужественными последователями Толстого, поступавшими подобно Борису. Военная каста остается как надежная и верная опора самодержавия, а Бориса за его бунт наказывают заключением в дисциплинарный батальон. Среди солдат и жандармов проповедь Бориса естественно не только не встречает отклика, но кажется им наивной и глупой. Молодой священник Василий Никанорович, под влиянием Сарынцева снявший сан, вскоре раскаивается

и возвращается к своим пастырским обязанностям. Невеста Бориса Люба, одно время сочувствовавшая ему, в конце концов становится невестой преуспевающего чиновника–карьериста.

С безбоязненной правдивостью, отказываясь от всякого самообмана, Толстой рисует, как простые люди иронически–недоверчиво относятся к исканиям Николая Ивановича. «Что ж, господа, известное дело. Всего хотят доходить», – говорит столяр, обучающий Николая Ивановича столярному ремеслу. Относительно его раздумий о праве владения именем он высказывается резко и прямо: «Стыдно, так раздайте», и в ответ на сбивчивые пояснения Николая Ивановича: «Хотел, да не удалось, жене передал», – добавляет: «Да вам и нельзя. Привыкли».

[12]

Глубокая духовная усталость и подавленность слышатся в словах Николая Ивановича в финале четвертого действия – после неудавшейся попытки ухода из семьи: «Василий Никанорович вернулся, Бориса я погубил, Люба выходит замуж. Неужели я заблуждаюсь, заблуждаюсь в том, что верю тебе? Нет. Отец, помоги мне».

[13] Здесь нашел отражение тот замысел, о котором Толстой записал в Дневнике: «Думал к драме о жизни: отчаяние человека, увидавшего свет, вносящего этот свет в мрак жизни с надеждой, уверенность освещения этого мрака, и вдруг мрак еще темнее» (5 февраля 1890 г.).

[14]

Но закончить всю пьесу на признании бессилия своего героя Толстой не считал возможным. В сохранившемся конспекте пятого действия драмы намечена мелодраматическая развязка: княгиня, мать Бориса, доведенная до отчаяния заключением сына в дисциплинарный батальон, стреляет в Николая Ивановича, считая его виновником гибели Бориса; Николай Иванович, умирая, прощает ее, говорит, что застрелился нечаянно сам. В целом эта пьеса с ее большим социальным содержанием показывает победу реализма художника над его утопическими и наивными теориями. Всем содержанием своей драмы Толстой вопреки своему замыслу утверждает невозможность путем личного самосовершенствования, добрым примером изменить существующие общественные отношения. И хотя проблема преобразования действительности, истинных «путей жизни» остается в пьесе нерешенной, объективно она утверждает необходимость решительной ломки всей социальной системы дворянско–буржуазного общества.

В этом томе публикуется переведенная Толстым с английского языка

индийская сказка «Карма», привлекая внимание писателя тем, что в ней хорошо разъясняется та истина, «что избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием».

[15] Но в сущности эта наивная, несколько примитивная история опровергает проповедываемую сказкой идеологию покорности и примирения. Она хорошо показывает мнимость и иллюзорность принципа, что «тот, кто делает больно другому, делает зло себе. Тот, кто помогает другому, помогает себе», – исправление жизни с помощью добрых дел. Ибо на практике эта философия оставляет нетронутой всю систему общественных и человеческих отношений, отношения господ и рабов. Следование идеям кармы не избавило земледельца от бедности и унижения, раба Магадуту – от задавленного и несправедливого существования, а только помогло богатому и властному ювелиру умножить свои богатства. Таким образом, сама сказка убедительно говорит о том, что одни «добрые дела» не спасают человечество от «зла».

Изложению своих философских и религиозных взглядов, опровержению доводов противников посвящены аллегорические притчи Толстого. Однако и эти притчи, и в особенности первая и последняя, своей абстрактностью, чисто умозрительным характером доказательств, не только не утверждают справедливости толстовских положений, но скорее, наоборот, свидетельствуют о глубоких внутренних противоречиях мировоззрения писателя.

III

Ленин указывал, что в произведениях Толстого поставлены «конкретные вопросы демократии и социализма»,

[16] наиболее острые и актуальные для его эпохи проблемы.

Демократические позиции Толстого особенно явно выступают в статье «Стыдно» (1895), направленной против применения к крестьянам телесных наказаний.

Толстой расценивает систему телесных наказаний для крестьян как пережиток, сохранившийся от времен крепостного права.

В статье «Стыдно» остро вскрывается чудовищность социального

неравенства, при котором надругательство над человеческим достоинством крестьянина рассматривается как нормальное явление. Обличительный пафос статьи усиливается рядом включенных в нее эпизодов, изображающих с присущим Толстому мастерством избиение и истязание мужиков.

Статья проникнута величайшим уважением и сочувствием к крестьянству, которое Толстой характеризует как «лучшее сословие», величайшим негодованием против его узаконенного бесправия. С горьким сарказмом Толстой клеймит ложь и лицемерие либеральных попыток смягчить установленную систему жалкими ограничениями и компромиссами. В одном из вариантов статьи он со страстной убежденностью заявляет: «Нельзя почтительнейше просить о том, чтобы этого не было, можно только кричать на весь мир, вопить о том, что это не может продолжаться, что этого не должно быть и что преступны все те, которые участвуют в этом, и еще более те, которые могут прекратить это и не прекращают».

[17]

Знаменательно, что все редакции статьи начинаются воспоминаниями о декабристах, которые в свое время отказались от применения телесных наказаний в подчиненных им воинских частях. Знаменательно, – как выражение того неизменного интереса и сочувствия Толстого к деятельности декабристов, которые проявились не только в троекратном возвращении к замыслу романа «Декабристы», но и в целом ряде упоминаний о декабристах в устных высказываниях, Дневниках и художественных произведениях. В своей статье Толстой характеризует декабристов как «цвет» тогдашней молодежи, причем в одном из вариантов подчеркивает связь их идей с идеями французской революции: «Это были всё люди тогдашнего европейского образования, в котором звучали еще основные принципы большой французской революции и религиозного возбуждения, последовавшего за наполеоновскими войнами».

[18]

Не случайна проставленная Толстым в одной из редакций статьи «Стыдно» дата: 14 декабря 1895 г. (день семидесятилетия со дня восстания). В одном из последних вариантов статья даже была озаглавлена «Декабристы и мы». Гуманному отношению дворянских революционеров к народу Толстой противопоставляет чудовищные и бесчеловечные деяния современных ему крепостников.

Гневным протестом против всего общественно–политического режима царской России звучит также статья «Бессмысленные мечтания», явившаяся откликом Толстого на позорную, открыто защищавшую самодержавие от малейшей попытки его ограничения речь только что вступившего на престол Николая II перед земскими деятелями, в самых почтительных выражениях заикнувшимися о праве «доводить до сведения царя» нужды народа. Сурово критикуя поведение царя, ответившего на это заявление грубым окриком, Толстой ставит вопрос о нелепости самого принципа наследственности и неограниченности царской власти, выступает непримиримым врагом самодержавия.

Решительно отрицая божественное происхождение царской власти, Толстой убежденно говорит о невозможности править людьми, «не зная, как живут люди и в чем их нужды».

Давая убийственную характеристику всего самодержавно–бюрократического аппарата, Толстой показывает, что самодержавная власть приводит к тому, что страной правит «стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников», чуждая, далекая и глубоко враждебная народу.

Особенно резко звучит в одном из вариантов характеристика царствований Александра II и Александра III, их политика репрессий и гонений, их равнодушие к нуждам трудящихся. С нескрываемым сочувствием говорит Толстой о революционерах, которые, по его словам, хотели только больше свободы и нисколько не были «звероподобными людьми, ищущими убийств для убийств, и злодеями, которых надо беречься и которых надо истреблять»,

[19] какими их изображает реакционная правительственная пресса.

Это не свидетельствует, конечно, о признании Толстым правоты революционеров и их методов борьбы. Непротивленческие тенденции явно обнаруживаются в том, как он изображает столкновение старого рабочего с зазнавшимся барчуком: рабочему удастся поставить барчука на место полным достоинства, спокойным, сдержанным словом.

В одном из писем этого периода (24 ноября 1894 г.) Толстой писал: «Если бы новый царь спросил у меня, что бы я ему посоветовал сделать, я бы сказал ему: употребите свою неограниченную власть на уничтожение земельной собственности в России и введите систему единого налога [Генри Джорджа], а затем откажитесь от власти и дайте народу свободу управления».

[20] В каких утопических, отвлеченных формах представлял себе Толстой эту «свободу управления», можно судить по многочисленным

высказываниям, а также по незаконченному произведению этого периода, включенному в настоящий том, – «Сон молодого царя».

Статья «Бессмысленные мечтания» осталась неоконченной. При резкости ее тона вряд ли можно было рассчитывать на возможность напечатания и распространения в царской России. К попыткам организованного общественного выступления по поводу речи царя Толстой отнесся несочувственно. Причиной этого являлось, с одной стороны, вполне основательное недоверие Толстого к бесплодной либеральной шумихе, с другой – характерное для него отрицание организованной общественной борьбы.

Неоконченной осталась и другая статья, «О студенческом движении» (1899), направленная против всей внутренней политики царского правительства. Но в сохранившемся наброске с большой силой звучит негодующий протест против правительственных репрессий, его сочувствие оппозиционной молодежи, не соглашавшейся пополнить собой ряды правительственных чиновников и бюрократии.

IV

Статьи Толстого «К итальянцам» (1895) и «Две войны» (1898), первая из которых связана с поражением итальянцев в войне с Абиссинией, вторая – с событиями американо-испанской войны за остров Кубу, содержат резкое выступление против милитаризма и колониального порабощения. Война Италии с Абиссинией и Америки с Испанией за обладание Кубой знаменовали собой начало новой кровавой эры, борьбы империалистов за передел мира. Толстой с присущей ему проницательностью разгадал грабительский характер разыгравшихся на далеких от него материках событий. Он со всей страстностью обрушился на зачинщиков этих кровопролитных сражений, разоблачая их глубоко враждебный интересам и потребностям народа характер. Своими выступлениями Толстой срывал маску с современных ему буржуазно-демократических государств, показывал, что за либеральной болтовней о мире скрывается лихорадочная подготовка новых сражений, новых бойнь.

Толстой справедливо утверждает, что войны нужны правительствам и правящим классам, а не мирному трудящемуся народу. Он высказывает глубокое убеждение, что дело мира находится в руках самих народов: «Ведь придет же время, и очень скоро, когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, искалеченные, измученные народы скажут своим правителям: да убирайтесь вы к дьяволу или к богу, к тому, от кого вы пришли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое.... Нам важно то, чтобы беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов; еще важнее обмениваться плодами этих трудов с дружественными, того же самого

желающими, другими народами» («К итальянцам»)

[21] .

Он разоблачает преступления, совершаемые слывущей самой передовой и демократической страной – Америкой. «Ужаснее всего то, – пишет Толстой, – что главные участники в этой войне – это люди той самой молодой передовой нации, которая справедливо гордилась своей разумностью и свободой от кровавых инстинктов европейских народов. И что же? Никогда ни один народ не доходил, кажется, до такого грубого зверства и до такого одурения, до которого дошла теперь масса американского народа» («Две войны», вариант № 2).

[22]

Однако незнание подлинных путей преобразования социальной действительности приводит Толстого к тому, что системе капиталистического угнетения, империалистических войн, грозной силе пушек и непрестанно развивающейся военной технике он противопоставляет мужество и стойкость осознавшей требования «христианской любви» личности. Поэтому в отказе от военной службы, в пассивном «неучастии в зле», личном самоусовершенствовании он видит единственное средство уничтожения армии, военной клики и постоянно висящей над человечеством угрозы кровопролитных войн. Выступления Толстого против разбойничьих империалистических войн, направленных на укрепление и упрочение основ буржуазного общества, и сегодня близки передовым людям, борющимся за мир.

Идеалистические основы мировоззрения Толстого и связанные с ними противоречия особенно явно выступают в предисловии к статье Карпентера «Современная наука».

Критикуя буржуазную науку за ее классовую тенденциозность, Толстой справедливо обвиняет эту науку в том, что она занимается, «с одной стороны, оправданием существующего порядка, с другой – игрушками», «разрешением вопросов праздного любопытства». Утверждая, что все завоевания науки и техники в буржуазном обществе «прилагаются только к губительным для народа фабрикам, к орудиям истребления людей, к увеличению роскоши, разврата», ведут к ухудшению положения трудового люда, Толстой абсолютно прав. Для него несомненно, что в результате неправильно устроенного общественного порядка, при котором власть принадлежит небольшой кучке, неизбежно превращение науки в средство угнетения и порабощения народа.

В своей статье Толстой приходит к единственно правильному и

логическому выводу, что необходимо прежде всего изменить это «дурное устройство». Но в соответствии со своим утопическим, идеалистическим учением полагает, что все формы жизни могут быть изменены только путем изменения сознания людей.

В своей критике современного состояния наук Толстой исходит из требований «разумного рабочего человека», который «ждет от науки, что она разрешит для него те вопросы, от которых зависит благо его и всех людей», то есть «вопросы» религиозно-морального порядка: «как надо жить, как обходиться с семейными, как с ближними, как с иноплеменниками, как бороться с своими страстями, во что надо, во что не надо верить». Так Толстой с идеалистических позиций ошибочно определяет круг вопросов, от решения которых, по его мнению, зависит благо рабочего человека, поработанного и эксплуатируемого, задавленного нищетой и непосильным трудом, страдающего от бесправия и неравенства.

Поэтому от науки он требует прежде всего разрешения этических и религиозных проблем: «Наша наука для того, чтобы сделаться наукой и действительно быть полезной.... должна.... вернуться к тому единственному, разумному и плодотворному пониманию науки, по которому предмет ее есть изучение того, как должны жить люди»[23].

В отличие от Карпентера Толстой подвергает серьезной критике буржуазную науку за ее оторванность от народа и его нужд, за ее классовый характер. Не видя различия между буржуазной социологией и марксизмом, Толстой, однако, прав, утверждая, что для буржуазной социологии характерно стремление оправдать существование классов и капиталистическую систему. Толстой ошибался, подвергая сомнению полезность и достоверность физики, химии и других точных наук, но глубоко справедлива его критика общества, в котором все достижения науки являются привилегией небольшой кучки людей.

В своих лекциях, прочитанных в 1906 году на Капри, Горький остановился на ошибочных идеалистических взглядах Карпентера и Толстого, выраженных Толстым в предисловии к книге английского философа. Цитируя утверждение Карпентера, что современная наука оставляет «все самые важные вопросы без всякого разрешения», он говорит: «Ничего особенно оригинального в этих словах нет, повторялись они тысячу раз, повторяются и в наши дни, их источник – чувство протеста против тех обязанностей, которые налагает на человека современное развитие знаний».

Каков смысл всей суммы наших знаний? Они говорят нам: главный враг человека – природа, а потому люди, существа разумные, должны соединить всю силу своего разума во единую целостную энергию и противопоставить ее стихиям, в целях победы над ними.

Далее – знание истории учит нас, что при современных общественных отношениях люди не могут объединиться для дружной борьбы с природой, что классовая рознь создает ряд противоречий, что эти противоречия, развиваясь при сознательном нашем вмешательстве в их игру, пожрут, наконец, сами себя, и человек освободится от экономического и политического рабства.

С этой точки зрения все, а равно и рост знаний наших – развитие науки, как орудия нашей самозащиты, – все стоит в зависимости от общественно-экономических отношений, кои и должны быть изменены прежде всего.

Так учит очевидность, так говорит весь нам известный опыт, и, говоря так, он обязывает нас к активному вмешательству во все дела жизни» [24].

Но такому активному вмешательству в жизнь глубоко враждебна вся проповедь Толстого.

Неизмеримо высоко оценивая Толстого как писателя-реалиста и обличителя, Горький вслед за Лениным всегда подчеркивал глубокий вред его философских и религиозно-нравственных идей и подвергал уничтожающей критике идеалистические основы миропонимания Толстого.

«Мы не должны останавливаться на выводах Толстого, – писал Горький, – на его грубо-тенденциозной проповеди пассивизма; мы знаем, что эта проповедь в конечных выводах своих глубоко реакционна, знаем, что она была способна причинить вред и причинила даже – все это так! Но – за всем этим остаются широко написанные, живые и яркие картины русской жизни во всех ее слоях, остаются глубоко взятые, изумительно просто и правдиво рассказанные человеческие жизни, душевные переживания. И эта работа имеет цену неоспоримую, она – колоссальна, она есть нечто, чем мы имеем право гордиться, что может научить нас уважать человека, понимать жизнь и безбоязненно думать о всех вопросах» [25].

Произведения, публикуемые в этом томе, отчетливо показывают и силу и глубину критики Толстого самодержавной России и ложность и вред его реакционно-утопического учения.

Отвергая его реакционную теорию, его религиозно-нравственное учение, мы с глубоким интересом относимся ко всем произведениям большого художника-гуманиста, в которых он дает глубокую и верную критику собственнического мира, обличает господствующие классы, защищает идеал гармонического и свободного развития человеческой личности.

А. Озерова

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только

начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опiskой.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означает, что печатается впервые.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия скульптуры П. Трубецкого «Толстой верхом» между стр. IV и V.

Примечания

1

Учение XII апостолов.

2

В рукописи место со слов: Но только, как рассказали и до знака сноски обведено на полях чертой с пометой: пр[опустить] и затем вычеркнуто.

3

В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 323.

4

См. наст. том, стр. 11.

5

Т. 51, стр. 16.

6

Там же, стр. 125.

7

См. наст. том, стр. 44.

8

«М. Горький. Материалы и исследования», т. II, Издательство Академии наук, 1936, стр. 216.

9

Возможно, как указывает В. И. Срезневский в комментариях к тексту пьесы в издании 1917 г., что заглавие это стоит в связи с заглавием эскиза Н. Блинова «Свет и во тьме светит», написанного в ответ на драму Толстого «Власть тьмы». Но возможно и то, что оба заглавия возникли самостоятельно на основе одного источника.

10

Т. 50, стр. 37.

11

Т. 51, стр. 28.

12

См. наст. том, стр. 155–156.

13

См. там же, стр. 183.

14

Т. 51, стр. 17.

15

См. наст. том, стр. 47.

16

В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 297.

17

См. наст. том, стр. 248.

18

См. наст. том, стр. 244.

19

См. наст. том, стр. 252.

20

Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого*, 1936, стр. 508.

21

См. наст. том, стр. 195.

22

См. наст. том, стр. 250.

23

См. наст. том, стр. 89, 93–95.

24

М. Горький, *История русской литературы*, Гослитиздат, 1939, стр. 284.

25

М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 295–296.